

С РАБОЧЕГО СТОЛА УЧЕНОГО

УДК 821.161.1(091) ББК ШЗ3(2Рос=Рус)5-021

Е. В. Алексеева
Екатеринбург, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЕВРОПЕИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме прочтения произведений отечественной художественной классики с позиций историка. Применение исторических теоретико-методологических подходов к содержанию литературных произведений позволяет увидеть в художественных текстах отражение перемен, происходивших в России в ходе ее модернизации и европеизации, проанализировать отношение к ним персонажей, автора, общества.

Ключевые слова: исторические процессы в литературных произведениях, И. А. Гончаров, «Обрыв», российское дворянство, российские традиции и европейские новшества, заимствование, восприятие, модернизация, вестернизация, диффузия инноваций.

E. V. Alekseeva
Yekaterinburg, Russia

REFLECTION OF THE PROCESSES OF THE RUSSIAN ELITE'S WESTERNIZATION IN THE NATIONAL LITERATURE OF THE XIXth CENTURY

Abstract. The article is devoted to the problem of Russian classical literature's perception from the standpoint of a historian. Application of historical theoretical approaches to the content of literary works exposes how the literary texts reflect changes ongoing in Russia in the course of modernization and Westernization, provides a possibility to analyze the attitude of the characters, the author himself and Russian society of the epoch towards them.

Keywords: historical processes in literary works, I. A. Goncharov, "The Precipice", Russian nobility, Russian traditions versus European innovations, adoption and perception of novation, modernization and Westernization, the diffusion of innovations.

В последние десятилетия в историографии заметно упрочилась тенденция рассматривать историю России в тесном взаимодействии с мировым и, прежде всего, европейским технико-экономическим и социокультурным развитием. Эффективными инструментами его познания зарекомендовали себя теории модернизации, вестернизации, диффузионизма. Для стран Восточной Европы и Азии процесс модернизации часто прямо отождествляется с диффузионным процессом вестернизации, так, например А.Н. Медушевский и А.Б. Каменский в многочисленных публикациях указывают, что модернизация приняла в России форму европеизации или вестернизации – преобразования общества по западному образцу. Как следует из общих положений диффузионистской концепции, фундаментальные открытия порождают волну военной, экономической, культурной экспансии, вынуждающей другие страны модернизировать свою военную, политическую и экономическую систему по образцу страны-лидера. Модернизации сопутствует процесс синтеза новых и старых, традиционных институтов, который, как правило, сопровождается традиционалистской реакцией – неприятием и частичным отторже-

нием заимствованных инноваций [Алексеев, Нефедов, Побережников 2000].

Приверженцы модернизационного подхода рассматривает историю как сложный и многоаспектный процесс перехода от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Важнейшим фактором модернизации выступает преодоление и замена традиционных ценностей, препятствующих социальным изменениям и экономическому росту, на новые – социальные, технологические, культурные. Таким образом, модернизация тесно связана с изменениями в общественном сознании. Среди историков, социологов и философов уже в XIX в. распространились концепции социальных изменений, учитывающие влияние культурных и ментальных трансформаций, рассматривающие взаимосвязи процессов модернизации и трансформаций тех или иных форм общественного сознания. Идя к современному, общество движется от ценностей коллективизма к ценностям индивидуализма, формированию свободной личности, преодолевающей иррациональность традиционных общинных практик («расколдование мира», по М. Веберу). Аксиологическая оценка этого феномена неоднозначна, но несомненно одно: вследствие модернизации меняется социальный тип личности – традиционная заменяется современной.

Если такие процессы модернизации как индустриализация, урбанизация, профессионализация, политизация масс, демографический переход успешно восстанавливаются исследователями по историческим документам, то изменения обще-

¹ Статья подготовлена по проекту «Возвращение в Европу: российские элиты и европейские инновации, нормы и модели (XVIII – начало XX в.)», реализуемого в рамках гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

ственного духа, человеческой личности реконструируются значительно сложнее. Поэтому обращение к литературным произведениям может быть не только интересным, но и полезным как для исторической реконструкции, так и для лучшего «ощущения» и «прочувствования» эпохи. Прочтение И.А. Гончарова, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и ряда других авторов отечественной художественной классики XIX – начала XX столетий с позиций историка позволяет увидеть в литературных произведениях отражение перемен, происходивших в России в ходе ее модернизации и европеизации, проанализировать отношение к ним персонажей, автора, общества. Писатели создают литературные характеры, конструируют сюжетные линии, но реалистический стиль русской классики достаточно точно отражает окружающую персонажей бытовую действительность, умонастроение, ведущие тенденции эпохи.

Ограниченный объем публикации не позволяет развернуть масштабный анализ большой когорты классиков русской художественной литературы XIX столетия и их многочисленных творений, тем более, что отдельные сюжеты темы уже получили освещение в специальной литературе [Блудилина 2005, Буткова 2001, Жданов 2005, Леонтьева 2011: 392–398, Лепешинский, Лепешинская 2011]. Внимание в тексте фокусируется на романе И.А. Гончарова «Обрыв» (1869). Однако с большой долей уверенности можно предполагать, что аналогичные наблюдения и выводы правомерны как для предыдущих романов И.А. Гончарова (темы трилогии «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» перекликаются между собой и тесно связаны с исторической ситуацией 1850-х – 60-х гг.), так и многих других произведений русских писателей XIX – начала XX в. [Сергеева 2006, Чубарова 2003: 51–59].

В прочтении «Обрыва» историком с позиций теории модернизации можно выделить несколько аспектов. Первый из них связан с важнейшим механизмом модернизации и вестернизации – диффузией инноваций. Главными агентами распространения европейских новшеств на просторах Российской империи, были, с одной стороны, иностранцы, а с другой – русские подданные, побывавшие за рубежом. Как же показаны место и роль европейского и европейцев в повседневной жизни русского дворянского общества рассматриваемого периода, как отображено восприятие русскими иностранцев и отношение к ним?

Европейская культура в России середины XIX в. широко представлена в дворянской повседневности. Светская беседа ведется на французском языке. Одежда, досуг, проживание и питание обеспечивается немцами, французами, англичанами. «Воплуг, Наталья Ивановна: где вы купили такую миленькую шляпку: у m-me Pichet?», – спрашивает Б. Райский. «В комнате у него стояла откидная кушетка от Гамбса. Камердинер был у него француз, с почтительной речью и наглым взглядом». У Марфеньки в комнате по стенам висят английские и французские гравюры. Вера заказывает ей в подарок – *porte-bouquet* (подставку для

букета) – у золотых дел мастера Шмита. Райский в Петербурге снимал «три порядочные комнаты» у немки, «вечер нередко он начинал спектаклем, а кончал всегда картами в английском клубе или у знакомых». В воскресенье он «ходит в Никитский монастырь к обедне, заглядывает на развод и посещает кондитеров Пеэра и Педотти». Не расстается он с привычным кругом и во сне. Райскому при виделось, что он сидит с приятелями «у Сен-Жоржа и с аппетитом ест и пьет, рассказывает и слушает пошлый вздор».

Европейцы представляются русским веселыми, легкими в общении, близкими к искусству людьми. «Глупое слово: весело! Только дети и французы ухитряются веселиться: *s'amuser*». «Вот в какое лоно патриархальной тишины попал юноша Райский. Каков внучек? Как играет! не хуже французского эмигранта, что у тетки жил...». Отец Софьи Беловой знакомит дочь с музицирующим графом Милари. И.А. Гончаров, описывая его внешность, отмечает: «физиономия не русская». Характеризуя благородный внешний вид русского дворянина, писатель сравнивает свой персонаж с аристократичным англичанином: «Николай Васильевич Пахотин был очень красивый сановитый старик, с мягкими, почтенными сединами. По виду его примешь за какого-нибудь Пальмерстона».

Дворяне в Российской империи рассматриваемого периода, как правило, получали образование дома или в пансионе у европейцев. Софья Белова рассказывает Райскому о своем воспитании и обучении. «Дома воспитывалась, вы знаете... Когда мне было лет семь, за мной, помню, ходила немка Маргарита: она причесывала и одевала меня, потом будили мисс Дредсон и шли к татам... Я не шалила: мисс Дредсон шла рядом и дальше трех шагов от себя не пускала. Впрочем, я мало помню, что было, помню только, что ездил танцмейстер и учил: *chasseenantant, chasseagauche, tenez-vousdroit, pasdegrimages...* (Шаг вперед, шаг налево, держитесь прямо, не гримасничайте...). Дальше, приставили французенку, *madame Cleru*». На вопрос о том, чему ее учили, Софья отвечает: *histoire, geographie, calligraphie, l'orthographe* (история, география, каллиграфия, орфография), еще по-русски... Потом, когда мне было шестнадцать лет, мне дали особые комнаты и поселили со мной *matante* Анну Васильевну, а мисс Дредсон уехала в Англию. Я занималась музыкой, и мне оставили французского профессора и учителя по-русски, потому что тогда в свете заговорили, что надо знать по-русски почти так же хорошо, как по-французски...». Другие кухни Райского – Марфенька и Вера также получали приличествующее молодым девушкам образование, обучаясь в «пансионе у m-me Meuer». По словам их бабушки, «по тысяче двести рублей ассигнациями платила за аждую, обе пять лет были там».

С французами связаны любовные увлечения русских. Из рассказа Софьи следует, что приставленную к ней французенку, *madame Cleru* почему-то скоро отпустили. «Я помню, как папа защищал ее, но татам слышать не хотела». Другой персонаж романа, Ульяна Андреевна встречается с товарищем

мужа, учителем, французом Шарлем, а потом и все сбегает с ним в столицу.

Европейцам приписываются качества передового, прогрессивного, интеллектуального. «А в картах разве не одно и то же? А вот ты прячешься в них от скуки... Ну, нет, не одно и то же: какой-то англичанин вывел комбинацию, что одна и та же сдача карт может повториться лет в тысячу только...». «Я бы не смел останавливать вас, но один врач – он живет в Дюссельдорфе, что близ Рейна... я забыл его фамилию – теперь я читаю его книгу и, если угодно, могу доставить вам... Он предлагает отменные гигиенические правила... Он советует...».

Европа ассоциируется с надеждой на лучшую жизнь, порядок, искусство. Так, Иван Иванович Аянов «равнодушно смотрел сорок лет сряду, как с каждой весной отплывали за границу битком набитые пароходы, уезжали внутрь России дилижансы, в последствии вагоны, – как двигались толпы людей “с наивным настроением” дышать другим воздухом, освежаться, искать впечатлений и развлечений». В конце романа Борис Райский, надеясь на новый этап жизни, уезжает сначала в Дрезден, дальше в Голландию, потом в Англию, в Париж, затем через Швейцарию в Италию. Правда «везде, среди этой горячей артистической жизни, он не изменял своей семье, своей группе, не встал в чужую почву, все чувствовал себя гостем и пришельцем там. Часто, в часы досуга от работ и отрезвления от новых и сильных впечатлений, раздражительных красок юга – его тянуло назад, домой. Ему хотелось бы набраться этой вечной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духом окаменелых преданий и унести все с собой туда, в свою Малиновку...». Кстати, и сам И.А. Гончаров вел окончательную отделку своего романа в 1868 г. живя во Франции, в маленьком приморском городке.

В то же время, деревенские помещики с негодованием отвергают европейские свободные нравы, горячо осуждают женскую эмансипацию. «А ты не слушай его: он там насмотрелся на каких-нибудь англичанок да полячек! Те еще в девках одни ходят по улицам, переписку ведут с мужчинами и верхом скачут на лошадях», – возмущается Тычков. Татьяна Марковна ни за что не соглашалась на предложение Марьи Егоровны – отпустить детей в Москву, в Петербург и за границу. «Испортить хотите их, – говорила она, – чтоб они нагляделись там “всякого нового распутства”, нет, дайте мне прежде умереть. Я не пушу Марфеньку, пока она не приучится быть хозяйкой и матерью!».

Перечисление европейских черт, проникавших в российскую повседневность в XIX столетии, можно было бы продолжать, но наибольший интерес, все же, представляет основная подоплека романа – столкновение традиционного и нового миров. Главный вопрос, поднятый эпохой, сформулирован в беседе Б. Райского с С. Беловодовой. Пытаясь отстаивать свои традиционные устои, следование «тетушкиным, бабушкиным, дедушкиным, прабабушкиным, прадедушкиным» правилам, которыми она руководствуется и на которые нападает ее кузен (намеренный работать, «ломать старый век»), Софья

вопросает: «отчего то, чем жило так много людей и так долго, вдруг нужно менять на другое?».

Наиболее ярко традиционный мир предстает в образе бабушки главного героя, Татьяны Марковны Бережковой, чью феодальную натуру И.А. Гончаров описывает с большим чувством и очень колоритно. «Различия между “людьми” и господами никогда и ничто не могло истребить. Она была в меру строга, в меру снисходительна, человеколюбива, но все в размерах барских понятий». Под стать ей и ее близкий друг Тит Никонич, «остаток прошлого века, живущий под знаменем вечной учтивости, приличного тона, уклончивости, изящного смирения и таковых же манер, все всем прощающий, ничем не оскорбляющийся и берегущий свое драгоценное здоровье, всеми любимый и всех любящий».

Разрушителем традиционного мира (в романе это волжские места с побережьем, «дремлющая, блаженная тишь, где не живут, а растут люди и тихо вянут, где ни бурных страстей с тонкими, ядовитыми наслаждениями, ни учительных вопросов, никакого движения мысли, воли»), предстает присланный на житье, под присмотр полиции чиновник пятнадцатого класса Марк Волохов. Споря с Верой, он опровергает ее устои: «все это годилось прежде, а теперь потекла другая жизнь, где не авторитеты, не заученные понятия, а правда пробивается наружу». Он не только дает «новый взгляд во все то, что она читала, слушала, что знала, взгляд полного и дерзкого отрицания всего, от начала до конца, небесных и земных авторитетов, старой жизни, старой науки, старых добродетелей и пороков», но ломает устоявшиеся понятия чести, женского поведения, увлекая Веру в обрыв, обрекая ее на бесчестие.

Однако не только поднадзорный чиновник Марк Волохов, которого «все не любят и все боятся» проповедует о «грядущей силе», о «заре будущего», о «юных надеждах», ратует за разрушение традиционных оков человеческих отношений. Вопреки бабушкиной философии «выйдет замуж, тогда и полюбит», Б. Райский воодушевленно высказывается: «Не позволить любить! Я тебе именно и несу проповедь этой свободы! Люби открыто, всенародно, не прячься: не бойся ни бабушки, никого! Старый мир разлагается, зазеленели новые всходы жизни – жизнь зовет к себе, открывает всем свои объятия... Если заря свободы восходит для всех: ужели одна женщина останется рабой?». Такие призывы И.А. Гончаров вкладывает в уста страстного в своей артистической натуре, но в общем-то весьма умеренного по своим взглядам человека, которого «занимал общий ход и развитие идей, победы науки, но он выжидал результатов, не делая pasdegeants, не спеша креститься в новую веру, предлагающую всевозможные умозрения и часто невозможные опыты. Он приветствовал смелые шаги искусства, рукоплескал новым откровениям и открытиям, видоизменяющим, но не ломающим жизнь, праздновал естественное, но не насильственное рождение новых ее требований, как праздновал весну с новой зеленью, не провожая бесплодной и неблагодарной враждой отходящего порядка и отливающих начал, веря в их историческую неизбежность и неопровер-

жимую, преемственную связь с “новой весенней зеленью”, как бы она нова и ярко-зелена ни была». Но все же, Райский отчетливо понимает, что «старый век проходит. Нельзя ему длиться два века. Нужно же и новому прийти!».

В романе отражено значение печатного слова как важного (с позиции теории диффузионизма) канала передачи новых идей, информации, силы, разрушающей опоры власти. Райский предостерегает гимназического учителя Леонтия Козлова: «Ах ты, старовер! как ты отстал здесь! О газетах потише – это Архимедов рычаг: они ворочают миром...». В основе смущения умов – чтение иностранных, в том числе, запрещенных книг. «Какой переход от святых отцов к Спинозе и Вольтеру!», – язвительно замечает Райский. «Там в библиотеке все энциклопедисты есть. Ужели ты их читала?». «Нет, куда же всех!», – отвечает Вера, «Николай Иванович читал кое-что и передавал нам с Наташей...». «Как это вы до Фейербаха с братией не дошли... до социалистов и материалистов!.. Дошли! – с слабой улыбкой сказала она». А сам механизм разрушения традиционных основ очень четко излагается председателем палаты Нилом Андреевичем, «важным, солидным, умным», авторитетным человеком, который «молчит все, а если скажет, даром слов не тратит. Его все боятся в городе: что он сказал, то и свято». «Начинается-то не с мужиков, ...а потом зло, как эпидемия, разольется повсюду. Сначала молодец ко всеобщей перестанет ходить: “скучно, дескать”, а потом найдет, что по начальству в праздник ездить лишнее; это, говорит, “холоство”, а после в неприличной одежде на службу явится, да еще борода отрасли ... и дальше, и дальше, – и дай волю, он тебе втихомолку доложит потом, что и бога то в небе нет, что и молиться то некому!..». Рационализация сознания, десакарлизация современной картины мира ярко отражена в этой сентенции.

Обрыв старых нравственных устоев – это основная сюжетная коллизия, отражающая перемены в сознании личности. Веяния новой эпохи ломают судьбу главной героини романа – Веры. Марк Волохов «вместо живых и страстных идеалов правды, добра, любви, человеческого развития и совершенствования, показывает ей только ряд могил, готовых поглотить все, чем жило общество до сих пор. ... Он, во имя истины, развенчал человека в один животный организм, отнявши у него другую, не животную сторону. В чувствах видел только ряд кратковременных встреч и грубых наслаждений, обнажая их даже от всяких иллюзий, составляющих роскошь человека, в которой отказано животному. Самый процесс жизни он выдавал и за ее конечную цель. Разлагая материю на составные части, он думал, что разложил вместе с тем и все, что выражает материя. Угадывая законы явления, он думал, что уничтожил и неведомую силу, давшую эти законы, только тем, что отвергал ее, за неимением приемов и свойств ума, чтобы уразуметь ее. Закрывал доступ в вечность и к бессмертию всем религиозным и философским упованиям, разрушая, младенческими химическими или физическими опытами, и вечность, и бессмертие, думая своей детской тросточкой, как рычагом, шевелить

дальние миры и заставляя всю вселенную отвечать отрицательно на религиозные надежды и стремления “отживших” людей. Между тем, отрицая в человеке человека – с душой, с правами на бессмертие, он проповедовал какую-то правду, какую-то честность, какие-то стремления к лучшему порядку, к благородным целям, не замечая, что все это делалось ненужным при том, указываемом им, случайном порядке бытия, где люди, по его словам, толпятся, как мошки в жаркую погоду в огромном столбе, сталкиваются, мнутся, плодятся, питаются, греются и исчезают в бестолковом процессе жизни, чтоб завтра дать место другому такому же столбу». Однако, взглядевшись и вслушавшись во все, что проповедь юного апостола выдавала за новые правды, новое благо, новые откровения, Вера с удивлением увидела, «что все то, что было в его проповеди доброго и верного, – не ново, что оно взято из того же источника, откуда черпали и не новые люди, что семена всех этих новых идей, новой “цивилизации”, которую он проповедовал так хвастливо и таинственно, заключены в старом учении».

Известно, что Гончаров не понаслышке был знаком с драматическими столкновениями старого и нового, которое проповедовали нигилисты-шестидесятники. Писателя не мог не встревожить «обрыв» вековых связей, понятий о любви, долге, добре и зле. Такая история произошла в семье близких друзей писателя – Майковых. Жена Леонида Майкова, Екатерина Павловна, под влиянием романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и пропаганды домашнего учителя Федора Любимова оставила семью, троих маленьких детей и ушла в коммуну. Накануне решительного шага Екатерина Павловна обратилась за советом к Ивану Александровичу, старому другу семьи. В ответном письме писатель, как мог, отговаривал ее, напоминая о долге матери. Однако уговоры оказались бесполезны [Гейро 2000: 83–183]. Таких «обыкновенных историй» происходило в шестидесятые годы множество, шестидесятники вместе со старым стремились порвать связи с вечным.

Не принимая ни идеи, ни практики революционной женской эмансипации, И.А. Гончаров обращается к женщинам с вдохновенным призывом: «не манил я вас в глубокую бездну учености, ни на грубый неженский труд, не входил с вами в споры о правах, отдавая вам первенство без спора. Мы не равны: вы выше нас, вы сила, мы ваше орудие. Не отнимайте у нас, говорил я вам, ни сохи, ни заступа, ни меча из рук. Мы взроем вам землю, украсим ее, спустимся в ее бездны, переплывем моря, пересчитаем звезды, – а вы, рождая нас, берегите, как провидение, наше детство и юность, воспитывайте нас честными, учите труду, человечности, добру и той любви, какую творец вложил в ваши сердца, – и мы твердо вынесем битвы жизни и пойдем за вами вслед туда, где все совершенно, где – вечная красота! Время сняло с вас много оков, наложенных лукавой и грубой тиранией: снимет и остальные, даст простор и свободу вашим великим, соединенным силам ума и сердца – и вы открыто пойдете своим путем и употребите эту свободу лучше, нежели мы употребляем свою!». Не домостроевским ретрогра-

дом, но благородным сыном и мужем, чувствующим поступь времени, предстает автор в своем стремлении защитить дающую любовь и жизнь, сохраняющую ценностные устои Женщину. Мужская же роль – ломать привычный порядок вещей. Какой же путь примирения, взаимодействия отжившего и сменяющего его нового, прогрессивного виделся И.А. Гончарову?

Правильным, с точки зрения автора, представляется деятельное сочетание лучших черт русского крепкого хозяина, благородного человека и разумных прогрессивных новаций европейских технологий. Такой идеальной «моделью», человеком, находящимся «между двух огней: между стариной и новизной, между преданиями и здравым смыслом», рисуется И.А. Гончаровым Иван Иванович Тушин. «Дома он читал уважи по агрономической и вообще по хозяйственной части, держал сведущего немца, специалиста по лесному хозяйству, но не отдавался ему в опеку, требовал его советов, а распоряжался сам, с помощью двух приказчиков и артелью своих и нанятых рабочих. В свободное время он любил читать французские романы: это был единственный оттенок изнеженности в этой, впрочем, обыкновенной жизни многих обитателей наших отдаленных углов». Пильный завод его казался Райскому чем-то небывалым, «по обширности, почти по роскоши строений, где удобство и изящество делали его похожим на образцовое английское заведение». Простую русскую, практическую натуру, исполняющую призвание хозяина земли и леса, первого, самого дюжего работника между своими работниками, и вместе распорядителя и руководителя их судеб и благосостояния, И.А. Гончаров называет заволжским Робертом Оуэном. «Тушины – наша истинная “партия действия”, наше прочное “будущее”».

В этом направлении и шло историческое развитие России. В 1898 г., когда доля иностранных инвестиций в капитале акционерных предприятий в России приблизилась к своему максимуму, согласно данным общей канцелярии министра финансов, иностранцы составляли в 51 губернии Европейской России всего 0,7 % рабочих заводов и фабрик, 8,5 %

мастеров и подмастерьев, 7,1 % директоров и служащих администрации [Иностранное предпринимательство... 1997: 315]. Модернизационный процесс в России двигался преимущественно усилиями подданных Российской империи, но колея его шла с Запада. В историческом итоге, она вывела Россию на современный путь, но Бог весть, сколько всего светлого было повержено с этого пути в обрыв!

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. № 5–6. Екатеринбург, 2000.

Блудилина Н.Д. Запад в русской литературе XVIII в.: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького РАН, 2005.

Буткова Н.В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.

Гейро Л.С. «Сообразно времени и обстоятельствам». (Творческая история романа «Обрыв») // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. – М., 2000. Т. 102.

Гончаров И.А. Обрыв. – М., 1961.

Жданов С.С. Национальность героя как элемент художественной системы: немцы в русской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005.

Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки / под ред. В.И. Бовыкина. – М: РОССПЭН, 1997.

Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской художественной культуре XIX – начале XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. – Челябинск: Энциклопедия, 2011.

Лепешинский И.Ю., Лепешинская Т.А. Отечественная война 1812 года в историографическом романе Л.Н. Толстого «Война и мир». – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011.

Сергеева Ю.А. Парадигма обрыва в романистике И.А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»): дис. ... канд. филол. наук. – Стерлитамак, 2006.

Чубарова В.Н. Россия и Запад в философской проблематике романа И.А. Гончарова «Обломов» // Литература в диалоге культур. – Ростов-на-Дону, 2003.

Данные об авторе:

Алексеева Елена Вениаминовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург).

Адрес: 620219, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской 16.

E-mail: alekseeva167@mail.ru

About the author:

Alexeeva Elena Veniaminovna is a Leading Researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the Sector of Methodology and Historiography, Associate Professor, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg).